

Михаил Пойзнер

Опять расстанусь я с тобою...

...Иногда хочется быстро, не оглядываясь, пройти мимо этого места.

Иногда категорически отмахиваешься. Зачем вспоминать? Что прожито, то прожито. Что это дает?!

А иногда ноги не слушаются, сами ведут сюда. С другого конца города...

Сюда, на этот угол.

Вот и ты, старый знакомый – еще бельгийский электрический столб. Теперь, конечно, вид у тебя, мягко говоря, жалкий. Хочешь не хочешь, время успело тебя уже хорошо подраздеть. Металлический решетчатый ствол забыл, когда его последний раз красили. Да и проводов тоже теперь не густо. Правда, еще осталось ржавое основание с «сидениями» – с каждой из четырех сторон. Это мы тогда сидениями называли обычные ступеньки, чтобы подняться по этому железному «дяде Степе» вверх к изоляторам и проводам.

Сколько же лет мы с тобой? Так сразу не сосчитаешь...

В голове крутится еще та «долгоиграющая» пластинка.

Сколько играли на тебе в катачка и в пожара?

А как складывали на те «сидения» портфели для того, чтобы погонять в футбол три на три, на маленькие воротики из тех же портфелей? И как, смахивая пот, припадали к дворовому крану, жадно захлебываясь вкусной не фильтрованной водой. И как потом нехотя расходились по домам, чтобы, подглядывая одним глазом в телевизор, все-таки взяться за проклятые школьные уроки. Да и телевизоры были далеко не у всех.

А как собирались вокруг, чтобы уже по-взрослому из одной бутылки по кругу потянуть пару глотков алигатора (алиготе), портьюхи (портвейна) или даже бецмана/биомицина («Біле міцне»), загрызая семечками, которые взяли со скидкой тут же за углом у нашей подслеповатой бабы Кили!

А как подпевали возле тебя во весь голос под семиструнку что-то наше, молдаванское. И *«Жил в Одессе парень-паренек, ездил он в Херсон за арбузами...»*, и *«Виднеются в тумане огоньки...»*, и *«Вот идет бригада с Дюковского сада...»*. Мы пели, а ты, казалось, прислушивался...

Да и сейчас частенько снится наш район. Перед глазами и Староконный, и автовокзал, и Дюковский, и Шестой район, и 5-й трамвай... Все наше, родное.

Здесь бывало всякое. И страшное, и тоскливое, и веселое. Но здесь мы у себя дома...

Вот как-то пригласил своих и чужих на день рождения. Чужих сразу же предупредил: «По одному не расходиться. Сам всех выведу на 5-й трамвай». И что? Один все-таки не выдержал, выскочил сам. Куда?! У нас на Косвенной всегда глухая ночь... Это не Екатерининская угол Дерibasовской... Этот, сбежавший, все равно через десять минут вернулся. Вернулся, но без нового пиджака. Я тогда сразу к делу: «Одолжили» только пиджак?». В ответ: «Только пиджак, остальное – мелочь...». Мелочь – это гудок. Проще говоря, по-русски, галстук.

Теперь все стало на свои места. Что, я не знал, что кому у нас нужно?! Заскочил буквально через двор к одному хлопчику, потом к другому. Отбил назад пиджак. С галстуком – хуже. В свое оправдание намекнули: «Шото тот гудок по расцветке и вообще не подходит к такому классному клифту...». Мол, не приглашай таких, у которых нет вкуса... Время, время... Теперь ни тех своих, ни тех чужих, ни тех «со вкусом» давно нет...

Вот так.

...Ну что, дружище?

Остались мы с тобой, получается, вдвоем. Твоих-то братьев, металлических столбов, теперь раз-два и обчелся. Теперь вместо вашего брата везде современные железобетонные пики. Посмотри только, что делается на новой Колонтаевской...

С твоими ладно. А моих, наверное, и того меньше. Кто уехал, кто переехал, кто давным-давно на том свете. Мы-то с тобой помним всех. Загибай пальцы или что там у тебя...

Митя что-то внезапно умер в Сан-Франциско.

Валерчик давно в Мельбурне или Сиднее. А для меня это одно и то же.

Костю моего, ну того, с фиксой, после двоих ходок в третьей завалили где-то на пересылке. Кого-то завалили еще раньше, здесь...

А Японец после долгих лет где-то на Дальнем Востоке сейчас профессор в нашем Водном. У всех как-то по-разному...

Краем глаза вижу – кто-то до сих пор стоит по выходным на Староконном.

Кто-то до сих колымит на старенькой тачке.

А кто-то навсегда осел на Таирова и даже на Радуге (!)...

Виталика рыжего, кажется, еще в 81-м убили под Кандагаром. Все, что осталось, – только фамилия на памятнике афганцам у нас в парке Шевченко.

А что подруги? Ленка со Светкой уже давно глубокие бабушки со своими болячками. А куда денешься?! Оля вообще никогда не была замужем. Как-то обычная жизнь, которая у всех, прошла мимо. Мимо прошли и другие.

Все. Вот и вся переключка.

Нет, нет! Про нее не забыл. Не забыл...

А что она? Теперь даже поговорить о ней не с кем. Опять получается, что только ты да я и помним.

Как раз здесь, возле тебя, она решила сказать, что уезжает насовсем. Забыл?

Стоял еще теплый октябрь. Как обычно, шли с конечной нашей пятерки к Мастерской, на пятнадцатый трамвай. Внезапно она резко замедлила шаг, коснулась краешком губ моей щеки и прошептала, как бы извиняясь за все сразу: «А я уезжаю...». Я замер... Вроде ноги и я – сами по себе, все отдельно. Идти не получается, сказать не получается. Как-то подался вперед, как-то иду вслед за моими ногами. Промычал-промолчал... А как домой дотянул, не помню. На автомате...

Потом полетели дни, месяцы, годы. Пустые годы... Не успевал их складывать.

Сначала думал, что от этого прошлого остался только душевный рубец, а оказалось – незаживающая рана. Иногда вообще приходит в голову: «Эта жизнь, жизнь без нее, вполне может обойтись и без меня...». А что, не может?

Вот где-то прочитал, кажется, про какого-то знаменитого футболиста, кумира миллионов, но, увы, законченного наркомана: «Неважно, что он сделал со своей жизнью. Важно, что он сделал с нашей...». А если уже про меня, то, может быть, не так важно, что она уехала и все остальное. Важно, что она сделала со мной...

Да! Звонит она мне, звонит...

Я, наоборот, все чаще молю: «Только бы не позвонила... Только не сегодня... А то скажу, не выдержу... Все, что внутри накопилось. Все, чем живу и не могу жить...». И все равно, всякий раз жду этого звонка... А если сегодня кто-то, не дай Бог, подслушает наши разговоры, ничего не поймет: «Что их связывает? Кто они друг другу? Бывшие соседи? Одноклассники? А может, из одного сумасшедшего дома?!».

...Сейчас хожу по когда-то нашим с ней улицам – и Раскидайловская, и Ризовская, и Коблевская, и Ольгиевская, и Княжеская... Хожу пешком по нашему прошлому... Что ни говори, а мне досталось вчерашнее счастье.

Вот и получается, со временем все меняется, только мы с тобой на том же месте...

...Марк Бернес очень когда-то пел: *«И я улыбаюсь тебе»*. Песню эту я могу слушать бесконечно, настолько точно попали в цель слова Инны Гофф. И как гармонично вписалась в эту цель музыка Яна Френкеля, не говоря уже о голосе самого Бернеса.

А цель простая и вечная – как пережить разлуку близким людям, когда их сердца бьются в унисон?!

...Взгляни на меня долгим взглядом,
Ты здесь, ты пока еще рядом...
Ты рядом, но ты далеко уже где-то,
И я улыбаюсь тебе...

«Ты здесь, ты пока еще рядом...», – повторяю про себя еще и еще раз. Это и про нее, и про тебя, дружище. Про тебя, старик...